

украинское — вказівний палець, словацкое — ukazováč, сербскохорватское — кажипрст, болгарское — показалец и т. д.

Палец, следующий за указательным, в славянских языках называется *средний, срединный палец*, ср.: русское — средний палец, белорусское — сярэдні палец, украинское — середний палець, польское — śródkowy palec, чешское — středníček, сербскохорватское — средњак, средњи прст, болгарское — среден прст.

Все названия безымянного пальца можно разделить по смыслу на три типа: 1) 'не имеющий специального названия' (русское *безымянный палец* и такие же названия в белорусском, болгарском языках); 2) 'предшествующий мизинцу' (украинское — підмізинний палець, сербскохорватское — домали прст); 3) 'палец, на котором носят кольцо' (чешское — prsteník, словенское — prstanec). К последней группе можно отнести и польское serdeczny palec — название, объясняющееся тем, что на этом пальце носят обручальное кольцо. Особым образованием является нижнелужицкое stwórtu palc 'четвертый палец'.

По внешней форме названия пальцев в славянских языках делятся на описательные, состоящие из сочетания существительного *палец* и прилагательного, — в русском, белорусском, украинском и польском языках, и на специальные существительные — в словацком, чешском, верхнелужицком. В остальных славянских языках сосуществуют названия обоих типов.

В.К.Л.

Орган, организм, организация, органический

Хотя перед нами, несомненно, однокоренные слова, трудно на первый взгляд представить себе их смысловую связь и лексикопроизводные отношения. Сравним: ¹*орган* 'часть организма' (и другие значения), ²*оргán* 'музыкальный инструмент', *организация* — действие по глаголу *организовать* и 'объединение людей, учреждение', *организм* 'живое существо' и т. д. История этих слов в русском литературном языке XVIII—

XIX веков также отличается сложностью, обилием переходных форм и оттенков. Лишь некоторые современные значения слов напоминают о былой соотносительности, синонимии их. Например, как отмечает «Словарь русского языка» С. И. Ожегова, слово *организация* в разговорном стиле речи может означать то же, что 'организм'; говорят: «У него слабая организация», т. е. его организм, сложение не крепки.

Слово *оргán* (от греческого *organon* 'орудие, инструмент') — давнее в русском языке, оно встречается, например, в памятниках XV—XVI веков в значении 'музыкальный инструмент'. Однако уже в это время широко распространены образно-переносные и иные смежные значения слова. Оно употреблялось при указа-

нии средства, орудия вещания — о предметах и о человеке. В старых церковно-книжных текстах читаем: «Лука [проповедник], благоухновенный орган, вещая словеса...». Чаще всего при этом подразумевалось словесное «вещание» и *орган* мог служить наименованием голосового, словесного аппарата человека, например, в сочетании *словесный орган* или в таком поэтическом отрывке: «Сего ради не оскудеет от внутрь сердца моего любовь, ниже [— как и] от орган гласа хвала». Эти прямые и переносные осмысления сохраняются в русской книжной традиции и позже.

Читатель «Северного вестника» (1805) встречал это слово в значении ‘голосовой аппарат’ (о росте ребенка): «Скоро распространится орган в груди твоей, скоро станешь ты говорить внятнее...». В одной из статей А. С. Пушкина можно отметить слово *орган* в смысле ‘голос, вокальные данные’ (о певце): «...Благородство одушевленных движений, орган чистый, ровный, приятный». В следующем пассаже из стихотворения Ф. И. Тютчева «Не то, что мните вы, природа...» *орган* означает ‘звучание (голоса), вообще звук (в искусстве)’:

...Не их вина, пойми, коль может,
Органа жизнь, глухонемой!
Души его, ах, не встревожит
И голос матери самой!

До наших дней такое употребление не дошло, и новое время (XVIII—XIX вв.) ознаменовалось в истории слова *орган* возникновением современного значения — ‘орган чувства’ (не только говорения). «Словарь Академии Российской» именно так определяет его: «Чувствилище, орудие чувств в животных». Русский мыслитель второй половины XVIII века П. А. Словцов употребляет слово в данном качестве в фило-

софском стихотворении «Материя»: «...[Существа имеют] может статься, чувственный орган, Кто испытал, не дышит ли тюльпан?».

Тогда же слово получает дальнейшее смысловое расширение и означает ‘часть организма, выполняющая определенные функции’ — в «Письмах о природе и человеке» известного писателя и просветителя XVIII века А. Д. Кантемира, в работах естествоиспытателя-материалиста первой половины XIX века М. А. Максимовича и др. Хотя эти новые свойства были продолжением прежних, но обусловлены они и новыми факторами — сближением с иноязычными терминами, прежде всего с французским *organe*, который в XVIII веке, по определению «Словаря Французской Академии» того времени, имеет аналогичные значения — ‘части тела, служащие к восприятию ощущений или действию животного’.

Именно таким путем — на основе собственных исходных качеств слова и в результате своеобразного «напластования» значений сходно звучащего иноязычного слова — происходит в первой половине XIX века формирование еще одного современного нам значения: *орган* ‘средство выражения мнения, сведений’. Вначале оно приложимо и к человеку и к печатному изданию. Вот типичные примеры из публицистики того времени: «...[Это делает автора] органом рассудка и всемирной истины»; «сделаться органом просвещенных русских») («Московский телеграф», 1832) «Итак, я решаюсь быть органом нового общественного мнения» (Белинский. Литературные мечтания); «Она [газета] ... служит для некоторых правительств полуофициальным органом» («Энциклопедический лексикон» Плюшара, 1837).

Скоро это употребление замыкается применением слова преимущественно к печатным периодическим изданиям.

С конца XVIII века в русской словарной и литературной практике начинает осознаться и омонимичность: ¹*орган* 'музыкальный инструмент' и ²*орган* 'часть организма'. Такое разделение проведено, например, в «Новом словотолкователе» Н. М. Яновского 1804 года, там же предпринята попытка разделить слова по ударению: ¹ *орга́н* и ² *орган*. (Ударение на первый слог отмечается и в «Словаре Академии Российской».) Однако четкого разграничения этих двух слов по ударению не удается достичь еще долго: во втором случае сплошь и рядом встречается ударение *орга́н* (ср. в приведенных выше стихотворных примерах: тюльпа́н — орга́н, орга́на жизнь).

Любопытно, что сейчас старое значение слова *орга́н* настолько забыто, что встречающееся похожее (или такое же) современное употребление слова воспринимается как совершенно новый образ: сравнение с органом — музыкальным инструментом. В статье искусствоведа Л. Ройзмана «Могучий пленник» («Неделя», 26 мая 1968) приводятся слова М. Рылского — «Здоров будь, Пушкин мой, земли *орган* могучий». Сравнение ли это творчества поэта с торжественным звучанием музыкального инструмента или здесь поэт — выразитель, «певец» земли (человечества)?

Такое же рельефное, осложненное переходными ступенями развитие обнаруживает и прилагательное *органический*. Возникнув во второй половине XVIII века, оно вначале непосредственно связано по смыслу со словом *орган* 'орудие чувства' и в словарях того времени определяет-

ся — 'снабденный чувствами'. Наиболее распространенное сочетание — *органическое тело* 'живой организм, обладающий способностью к ощущениям'. Однако уже к концу XVIII века смысл таких сочетаний меняется вместе с развитием слова *орган* 'орудие чувств' — 'часть организма'. Сочетание начинает означать вообще 'живое (животное) тело'; в упомянутом «Новом словотолкователе» Н. М. Яновского слово *органический* определяется так: «Членосоставный, говорится о телах, в состав которых входят мясные, сухожильные и другие части и сосуды». По соотносительности со словом *организация* оно также характеризует предмет как относящийся к органу или организму в целом, например: органические жилки, органические частицы.

И лишь на следующем этапе *органический* получает вполне современный нам смысл 'относящийся к живому миру — растениям, животным, человеку'. В журнально-публицистической литературе уже в 20—40-х годах XIX века находим такие примеры: изучение органических форм, сфера явлений мира органического. Но в словарях это значение появляется гораздо позже, лишь в Словаре В. И. Даля: «*Органический*... принадлежащий к какому-нибудь из двух высших царств природы, животному или растительному».

Другое употребительное в наши дни переносное значение — 'целостный, внутренне связанный' тоже представлено в журналистике 20-х годов XIX века, например: «Некоторое органическое целое, полный круг явлений» (альманах «Мнемозина», 1825). «Органическое развитие» («Московский вестник», 1827). С установлением новых значений прежние, промежуточные свойства и оттенки слов, как правило, отпадали.

Во второй половине XVIII века в обиход входит существительное *организация*. Источники этого заимствованного слова — французское *organisation* и латинское *organisatio*. Его основное значение в это время — ‘совокупность частей живого тела, организм’. В одной из статей «Ежемесячных сочинений» (1759), издававшихся Академией наук, указывалось, например, на зависимость психического склада человека от свойств организма и окружающей среды; в значении ‘организм’ автор употребляет новое слово *организация*: «Наш нрав... и все, что ни есть в нас, имеет основание свое на организации и на находящихся около нас обстоятельствах». Использует это слово и А. П. Радищев в трактате «О человеке, о его смертности и бессмертии»: «От самого неодушевленного даже до человека образы организации возрастают».

В книжном языке в том же значении, что и *организация*, употреблялись в XVIII веке слова и сочетания *членовое составление* (Тредиаковский), *членосоставление* («Северный вестник»), *строение*: «...познавать строение всех существ», *органическое устройство* и др. В «Новом словотолкователе» Н. М. Яновского: «*Организация*. Лат. Членосоставление, образ, коим тело организовано, устроено, одарено чувствами, чувственными орудиями».

Важнейшим сдвигом в дальнейшей истории слова *организация* в первой половине XIX века стало употребление его с дополнениями в родительном падеже: организация (чего?) и определениями, характеризующими строение, состав чего-либо. Круг лексики при этом расширяется, включая слова конкретно-предметного и отвлеченного содержания (последнее отмечается в словарях того вре-

мени как употребление «в иносказательном смысле»). Вот примеры из журналов и научно-литературных текстов первой половины XIX века, некоторые из них близки к словопотреблению наших дней: «Организация моего сердца» (имеется в виду, конечно, не анатомическое «строение» органа, а склонности, настроения человека); «Организация человеческого ума»; «Духовная наша организация»; «Организация общественная»; «Организация промышленности» (*промышленность* еще не в теперешнем смысле, а вообще ‘хозяйство, экономика, добывание средств существования в разных отраслях’); «Растения простейшей организации» и др.

В этих сочетаниях нет еще «глагольного» значения, оно возникает только во второй половине XIX—XX веков, — *организация* как действие по глаголу *организовывать* (*организовывать* — что? — *организация* — чего?). Поэтому современные нам «отглагольные» сочетания «*организация* + дополнение в родительном падеже» резко отличны от тех, которые можно встретить в текстах, например пушкинского времени, именно тем, что сейчас дополнение в них указывает по существу объект действия (*организация* — чего? — *школы, вечера, помощи* и др.), тогда как в первых десятилетиях XIX века оно лишь указывало предмет, о свойствах, строении которого шла речь (*организация сердца, ума, души* и др.).

Позднее других, в первые десятилетия XIX века, входит в употребление слово *организм*. Оно появляется в ту пору, когда другие однокоренные слова (*органический, организация*) имеют уже сложившиеся и складывающиеся новые значения. Поэтому смысл его сразу сложнее и

«современное»; оно выступает в том же значении, что и сейчас, — «совокупность частей живого тела» и переносно — «единое целое».

Так к середине XIX века оформляется все гнездо слов: ¹ оргán, ² орган, органический, организация, организм, организовать. Некоторые современные нам значения этих слов формируются в литературно-публицистическом языке позднего времени — во второй половине XIX и в XX веках. Это, например, *organ* «ору-

дие, средство» (в «Письмах об изучении природы» А. И. Герцена и др.), *организация* «союз людей, общественное и государственное учреждение» (в «Словаре современного русского литературного языка» АН СССР — только примеры XX века), прилагательное *организационный* и т. д. Они складываются в иных условиях, наполняющих старые слова новым содержанием.

В. В. ВЕСЕЛИТСКИЙ

НЕБО В АЛМАЗАХ

Это выражение впервые появилось в финале пьесы А. П. Чехова «Дядя Ваня», в словах Соли: «Мы отдохнем! Мы услышим ангелов, мы увидим все небо в алмазах, мы увидим, как все зло земное, все наши страдания потонут в милосердии, которое наполнит собою весь мир, и наша жизнь станет тихой, нежною, сладкою, как ласка».

Именно как символ справедливости и красоты, надежд на светлое будущее это выражение стало крылатым и употребляется в современной литературной речи, например: «Тогда на новогодних вечерах плакали и цели, произносили нудные, как осенний дождь, речи, одни ораторы называли себя лишними, другие мечтали увидеть через тысячу лет небо в алмазах» (Рябов. Год мицунший; приведено в книге Н. С. и М. Г. Ашукиных «Крылатые слова». М., 1966). Ср. также нарочито неточное: «Борис Львович, хирург из Старой Каменки, заключил свою телефонную беседу так: — Не знаю, не знаю, друг мой, но я — старый идеалист, верю, мы увидим на небе звезды, или что-то в этом роде, как сказал Чехов. Будем на-

деяться на лучшее...» (Герман. Я отвечаю за все).

Иногда, впрочем, это выражение может употребляться в разговорной речи не в установившемся значении, а просто как своеобразное «украшение», как дань привычной ассоциации, связи слов *небо* и *алмазы*: «...Сергей Сергеевич скажет: — А не полубоваться ли нам небом в алмазах? Это значило, что сейчас мы всплывем на поверхность, чтобы пополнить запасы воздуха и поговорить по радио с „Богатырем“» (Голубев. Гость из моря). Уже такое «разговорно-интеллигентское» употребление выражения *небо в алмазах* свидетельствует о возможности его «девальвации», о том, что, употребляясь в разговорной речи, оно может отойти от значения, сформировавшегося на базе чеховского текста и ставшего традиционным в литературном языке.

По-видимому, уже в дореволюционную пору — из-за слишком частого употребления (ср. в приведенном примере из фельетона И. Рябова) — выражение начало восприниматься как стертое. Об этом свидетельствует его характеристика в поэме Н. Асеева «Маяковский начинается»:

Символика приторной
Лишняя патоса,
О небе в алмазах
Беспильная грусть...

Правда, с этим восприятием как бы полемизирует З. Паперный: «Пер-

сонаж юмористической пьесы восклицает, перефразируя Чехова: „Мы увидим небо в тех или иных алмазах!“. Возмущенное восклицание героини „Дяди Вани“, ее возвышенно-томительная мечта сдвинута одним только добавлением — „тех или иных“. В музыкальную тираду вдруг вкрапились какие-то слова-паразиты — и вся возвышенность разлетелась» (Человек, похожий на самого себя. М., 1967). Однако нам кажется, что самый выбор выражения для (пусть даже неудачного) комического обыгрывания уже говорит о возможности восприятия его как банального (над такими выражениями охотно иронизируют).

Вероятно, в результате иронического переосмысления в разговорной речи появилось выражение, имеющее своей базой *небо в алмазах*; но и значение его и стилистический характер резко отличны от крылатого выражения: «— Ша! Чтоб тихо было! — шагнул Штуха к юридическому и поднес к его носу кулак. — Чуешь? Увидишь небо в алмазах!» (Зуев-Ордынец. Сказание о граде Ново-Китеже); «...думал Ленька... Глупо, милый, очень глупо. Скорее тебе покажут небо в алмазах» (Гладилин. История одной компании); «Ох, — сказала она (Аська)

с яростью, — мне бы хотя бы одного фашиста вот сюда в руки, я бы показала ему небо в алмазах» (Уварова. Мытная улица, 7).

Это разговорное выражение, не зная его, иногда воспринимают как импровизацию в речи: «Он (Шергин) вспоминает комический инцидент, происшедший недавно на его московской квартире. Пришли в гости два паренька, вместе слушали радиопостановку чеховского „Дяди Вани“. Закончилась передача. Стали ребята делиться впечатлениями, не сошлись в чем-то и повздорили. И тут один другому пригрозил полшутя: „Ты у меня увидишь небо в алмазах!“. Шергину доставляет видимое удовольствие рассказывать об этом случае: — Остроумный народ, эти мальчишки, на лету хватают!» («Литературная газета», 6 августа 1966).

Очевидно, что выражение *увидеть—показать небо в алмазах* имеет значение угрозы; его разговорно-непринужденный характер противопоставлен той возвышенной «книжности», которая характерна для употребляющего в литературе крылатого выражения *Мы увидим небо в алмазах*.

Б. Ш.

П Р А К Т И К У М П О С Т И Л И С Т И К Е

Найдите ошибки и исправьте текст (из газеты «Ленинец», 31 июля 1968, г. Видное Московской области).

Как прошлым, так и нынешним летом в колхозе имени Горького применен групповой метод уборки. Он позволяет облегчить техническое обслуживание техники, быстрее завершить жатву на тех полях, где хлеба созрели раньше. Темпы и качество — главный критерий страдной поры. Проводить ее поручено лучшим механизаторам Н. Рогачеву, С. Кузнечикову, В. Федотову, Н. Копаву. Не первый год работают они на хлебных нивах. Каждому присущи большое трудолюбие, мастерство. Вот и нынче они уверенно ведут степные корабли. Техника не подводит. Механизаторы прилежно отремонтировали ее. На все агрегаты поставили уплотнители, что позволяет не допускать потерь зерна.

В хозяйстве предприняты все меры, чтобы сберечь урожай.

(Ответы на стр. 102)